

УДК 343.13:340.15

А.А. ЮНУСОВ,
кандидат юридических наук, профессор

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ В СТРАНАХ АНГЛОСАКСОНСКОЙ И КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРАВА

В контексте определения оптимальной формы подготовки уголовного дела к судебному разбирательству, предмета и пределов оценки суда исследуется уголовно-процессуальное законодательство Великобритании, США, Франции и ФРГ. В качестве предмета анализа выступают полномочия суда и сторон, связанные с порядком представления и исследования доказательств; виды (возможных) решений суда.

При исследовании вопроса об оптимальной форме подготовки уголовного дела к судебному разбирательству, на наш взгляд, необходимо обратить внимание на процессуальную форму предания обвиняемого суду в тех странах англосаксонской или континентальной системы права, уголовно-процессуальное право которых исторически служило образцом (нормативной моделью) для иных национальных систем.

При этом мы не ставим своей целью включить в предмет подобного анализа все многообразие, имеющих процессуальных форм, с детальным рассмотрением всех процессуальных особенностей той или иной национальной формы предания суду. Речь, прежде всего, идет об уголовно-процессуальном законодательстве Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (далее – Великобритания), Соединенных Штатов Америки (далее – США), Республики Франции (далее – Франция) и Федеративной Республики Германии (далее – ФРГ).

Процессуальные формы предания суду по уголовно-процессуальному законодательству Великобритании. Анализ процессуальной формы подготовки дел к судебному разбирательству начнем с уголовно-процессуального законодательства Великобритании, где этот этап

производства по делу является факультативным и возможен лишь по делам о преступлениях, направляемых в суд с обвинительным актом [1, с. 113–123].

Именно эти категории дел, отличающиеся повышенной опасностью и определенной сложностью установления фактических обстоятельств, подлежат Суду короны и могут быть рассмотрены с участием коллегии присяжных заседателей. И, напротив, по делам суммарного производства уголовно-процессуальное законодательство Великобритании не предусматривает в качестве самостоятельной процедуры этап предания суду.

По действующему процессуальному законодательству предание суду (*committal proceedings*), как известно, отнесено к компетенции магистратских судов, а не органов обвинительной власти или суда (судьи), призванного к разрешению данного дела по существу¹. Тем самым, по идее законодателя, во-первых, обеспечивается независимый судебный контроль за законностью и обоснованностью

¹ В контексте исследуемых нами вопросов отметим весьма принципиальный момент: срок, в течение которого в Англии существовал порядок квазипредания суду (порядок – «передача дел для судебного разбирательства») по всем уголовным делам, оказался весьма непродолжительным.

предания обвиняемых Суду короны; во-вторых, суд (судья), разрешающий дело по существу, как бы устраняется от предварительной оценки фактических оснований для (возможного) предания обвиняемого суду и, следовательно, не формирует (не предпрещает) своего предварительного вывода о той или иной степени доказанности обвинения².

О реальной направленности стоящих перед магистратскими судами задач объективно свидетельствует и то, что, характеризуя их полномочия, названные суды, прежде всего, называют в качестве «*проверяющих магистратов*» (*preliminary examination*)³.

Соответственно этим контрольным полномочиям, суды магистрата, по правилам предварительного рассмотрения дела в суде (*preliminary enquiry*), призваны контролировать следующий круг обстоятельств:

Во-первых, наличие достаточных (фактических) оснований (по сути, обвинительных доказательств) для рассмотрения дела в суде, с тем чтобы никто без названных оснований не предстал бы от имени подсудимого перед Судом короны.

На предмет подобной проверки суда на том этапе правомерно, к примеру, указывают К.Ф. Гуценко, Л.В. Головки и Б.А. Филимонов [2, 3], обращаясь к анализу сути категории «*prima facie case*», определить действительное наличие которой в материалах поступившего дела, и призван магистратский суд на этом этапе. Обозначая собой, хотя бы минимальные доказательства обвинения, свидетельствующие о том, что дело (*case*), инкриминируемое данному обвиняемому, имеет под собой *достаточное основание*, названная категория призвана, прежде всего, обеспечить права и законные интересы личности, на предании которой суду

настаивает сторона обвинения. Принципиально и то, что в целях установления данного основания магистратские суды вправе не только изучать письменные документы (материалы), представленные сторонами в суд⁴, но и непосредственно допрашивать свидетелей, в том числе процессуально закрепляя их показания. Знаковым является и то, что доказать наличие данного основания в указанном судебном заседании должна именно сторона обвинения, ибо именно она настаивает на внесении данного дела (*case*) в суд. Участие самого обвиняемого в подобном заседании при этом является обязательным.

Во-вторых, названный этап, как известно, предназначен для того, чтобы стороны (обвинения и защиты) смогли предварительно ознакомиться с доводами и материалами противоположной стороны; выразить к ним свое отношение; приступить к выработке линии (стратегии) защиты или обвинения или обдумать предложения о медиации, основные институты которой весьма широко применяются с момента поступления дела в суд.

В-третьих, именно к компетенции судов магистрата отнесен вопрос окончательного определения подсудности, по так называемым «гибридным» преступлениям, допускающим диспозитивное известное усмотрение обвиняемого в выборе того или иного состава суда.

В-четвертых, к компетенции магистратских судов отнесено решение вопроса о мере пресечения в отношении обвиняемого, выбор которой при этом не является обязательным для Суда короны, перед которым (в дальнейшем) предстоит предстать обвиняемому.

В-пятых, процедура предварительного рассмотрения дела в магистратских судах, как уже отмечалось, отчасти необходима для процессуальной фиксации показаний тех свидетелей (преимущественно – стороны обвинения), непосредственное участие которых в Суде

² Оговоримся, квазипорядок предания суду, характеризующийся как простая «передача дел для судебного разбирательства», по-прежнему является необходимым для дел о тяжких или серьезных мошенничествах; по отдельным категориям дел, где потерпевшими являются несовершеннолетние; по преступлениям, подпадающим под Закон о преступлениях и беспорядках 1998 г.

³ Именно так их полномочия сформулированы и в п. 3 (а) ст. 44 Закона об уголовном процессе и расследованиях 1996 г.

⁴ Как известно, исследуемая система уголовно-процессуального права не предусматривает создания уже на этом этапе единого (письменного) уголовного дела по аналогии с уголовным судопроизводством России.

короны не всегда возможно. Правда, этот способ доказывания служит в качестве субсидиарного на данном этапе, не являясь императивом для возможного алгоритма действий суда.

Для понимания истинного характера действий суда и характера решаемых на этом этапе задач важно также понять *пределы* исследования доказательств, подтверждающих наличие оснований для законного и обоснованного предания обвиняемого суду, ибо именно пределы исследования характеризуют (более или менее) качественную сторону внутреннего убеждения судей, принимающих решение о достаточности оснований для внесения дела в суд. Именно в этом контексте английский законодатель четко разграничил на данном этапе как субъектов доказывания, так и сами виды допустимых для реализации названной задачи доказательств. В первом аспекте, магистрат выслушивает лишь доказательства стороны обвинения; сторона защиты на этом этапе доказательств не представляет. Во втором – в качестве допустимых доказательств судом могут быть приняты лишь письменные показания свидетелей, данные под присягой, либо иные документы, допустимость (собираения) которых изначально определена законодателем.

Вместе с тем, налицо в данном процессуальном порядке и определенная формализация процесса доказывания, ибо суд вправе принять решение о предании суду, приняв во внимание не столько содержательную, сколько количественную характеристику представленных доказательств, не вникая при этом в исследование (в оценку) вопроса об относимости, достоверности и достаточности указанных сведений.

Исключения из этого правила, требующие учета именно содержательной характеристики представленных сведений, связаны с наличием только двух ситуаций: а) когда обвиняемый не имеет на этом этапе защитника; б) когда защитник обвиняемого прямо указывает на то, что представленные стороной обвинения доказательства, по сути, не служат достаточным основанием для законного и обоснованного предания обвиняемого суду.

Фактически предметом спора в названной ситуации служит обоснованность обвинения, инкриминируемого обвиняемому. Отсутствие подобного спора позволяет суду формально оценить вопрос о достаточности оснований для предания обвиняемого суду; наличие подобного спора – императивно обязывает включить в предмет непосредственной оценки суда вопрос о реальной фактической обоснованности имеющегося обвинения.

Таким образом, именно этот центральный вопрос формирует процессуальную форму проверки; определяет предмет и пределы активности суда на этом этапе; является основной задачей стадии предания суду, когда она является обязательной. При этом вопрос о предрешенности внутреннего убеждения суда о той или иной степени фактической доказанности названного обвинения *a priori* не является проблемой стадии предания суду в английском уголовном процессе, поскольку рассмотрение дела, по существу, будет реализовано (совершено) иным составом суда.

Казалось бы, это – идеальная правовая конструкция, призванная, в том числе, решить вопрос предрешающих выводов суда о существовании обвинения, если не принимать во внимание процедуры, именуемые в английском уголовном процессе, как *preparatory hearing* (подготовительное слушание).

Являясь факультативным этапом, названная процедура, как известно, также реализуется в английском уголовном процессе лишь по делам, поступающим в суд с обвинительным актом, и, по сути, предваряет собой рассмотрение дела по существу. Достаточно известно и то, что именно в рамках названной процедуры судья, принявший дело к своему производству, имеет весьма широкий круг полномочий, ряд из которых непосредственно связан с оценкой (предварительной) судом фактической стороны обвинения.

Судья, к примеру, вправе предписать обвинению: представить суду (и, соответственно, стороне защиты) письменный документ, содержащий основные факты на которых основано обвинение, а также правовое обосно-

вание данного обвинения. Равным образом, суд вправе обязать обвинителя, чтобы он подготовил свои доказательства и иные материалы в такой форме, которая с точки зрения судьи, облегчит понимание сути дела присяжными заседателями или противоположной стороной [2, 3].

Насколько названная деятельность судьи связана с оценкой доказанности фактической стороны обвинения при этом, естественно, не поясняется. Как не поясняется и то обстоятельство, насколько тот же судья, возможно, «предрешает» при этом свои выводы о виновности обвиняемого еще до рассмотрения дела по существу, до непосредственного исследования доказательств стороны обвинения по правилам состязательной процедуры. Таким образом, по сути, либо процедуры *preparatory hearing* полностью нивелируют усилия законодателя по реализации процедур предания суду независимым судом магистрата; либо названные вопросы выглядят риторическими; либо для английского законодателя проблема «предрешенности» вопроса о виновности обвиняемого, предаваемого суду, является явно надуманной и, скорее, психологической, чем реальной правовой категорией.

Предварительные слушания в суде США (preliminary examination). Названная процессуальная форма предания обвиняемого суду в уголовно-процессуальном законодательстве США, как известно, предусмотрена лишь по делам об опасных преступлениях⁵. Как и в законодательстве Англии, полномочия по решению вопроса о предании обвиняемого суду принадлежат (преимущественно) суду магистрата или иного приравненного к нему должностного лица [3].

Принято считать, что в процессуальном контексте началом этого этапа служит момент регистрации обвинительного акта, поступившего в суд магистрата. Однако известно и то, что еще до официальной регистрации данного акта судья, безусловно, вправе, без

участия сторон и вне судебного заседания, изучить как фактическую, так и юридическую стороны названного акта, так и те материалы, которые призваны к фактическому его обоснованию. При этом по итогам подобного изучения судья вправе как истребовать дополнительные материалы от стороны обвинения, включая объяснения по сути самого акта, так и полностью прекратить производство по делу, не усматривая оснований для его дальнейшего рассмотрения по существу. И, конечно, судья вправе назначить дело к слушанию, формулируя указания о вызове необходимых лиц.

Остановимся на этих моментах, ибо в контексте исследуемых нами проблем прежде всего принципиальным является то, что *предметом* непосредственной оценки суда в названной ситуации является (вновь) фактическая доказанность внесенного в суд обвинения. Соответственно, решению этого центрального вопроса проверки, по сути, подчинен весь комплекс усилий и решений суда на этом этапе.

К примеру, § 180.60 Уголовно-процессуального закона штата Нью-Йорк, регламентируя порядок действий судьи на этом этапе, предусматривает:

- обязательное участие обвиняемого в судебном заседании; оглашение обвиняемому обвинительного акта;
- выяснение его отношения к данному акту;
- возможность допроса свидетелей обвинения под присягой, показания которых призваны подтвердить фактическую обоснованность обвинения, инкриминируемого обвиняемому.

В свою очередь, обвиняемый вправе как сам дать показания по существу инкриминируемого ему обвинения, так и ходатайствовать о вызове в суд тех свидетелей, которые, по его мнению, могут опровергнуть названное обвинение, как в целом, так и в его части.

К.Ф. Гуценко, Л.В. Головкин, Б.А. Филимонов, оценивая данные процедуры *preliminary examination*, прямо указывают на то, что на практике такое слушание чаще всего используется стороной защиты для «прошупывания» основных доказательств, собранных стороной обвинения, поскольку свои доказательства

⁵ Принято полагать, что делам так называемого суммарного (упрощенного) производства процедуры предания суду отсутствуют в принципе.

сторона защиты, как правило, «приберегает» на этап рассмотрения дела по существу [1, 3].

Итогом названной процедуры служит решение суда о том, что основания для рассмотрения дела в суде либо установлены, либо – нет. Фактическим, а равно – юридическим, основанием данного решения служит вывод о том, что фактически обвинение достаточно обосновано (доказано).

Более того, в предмет непосредственной оценки суда на этом этапе, как элемент его законного и обоснованного предания суду, входит категория *доказанной вины* обвиняемого в инкриминируемом ему преступлении. Чтобы исключить возможность двусмысленных подходов в этом вопросе сошлемся, к примеру, на п. «а» § 872 Карательного кодекса штата Калифорнии, в нормах которого прямо указывается на то, что, в случае подтверждения в ходе предварительного слушания факта совершения опасного преступления, магистрат вправе издать постановление или на жалобу обвинителя наложить резолюцию примерно следующего содержания: «Поскольку мне представляется, что преступление, о котором сказано в жалобе... совершено, и что есть достаточное основание считать виновным в нем названного _____ (обвиняемого – Примеч. авт.), я постановляю, чтобы он был привлечен к ответу (*be held to answer*) за это» [1, с. 241–242].

Оговоримся, названный акт с названным предпрешающим выводом не является обязательным для суда, разрешающего дело по существу, во-первых, в силу актов медиации; во-вторых – в силу, безусловной, самостоятельности суда в этих вопросах.

По сути, предмет, пределы, процессуальная форма и полномочия суда тем ситуациям, когда правомочия, связанные с решением вопроса о предании суду, отнесены к ведению большого жюри присяжных. Как и в суде магистрата, основная функция этого жюри связана с определением достаточности фактических оснований для законного и обоснованного предания обвиняемого суду.

Как известно, заседания такого жюри носят негласный характер; предметом проверки и

оценки суда служат лишь доказательства стороны обвинения; мнение суда магистрата о виновности, сформулированное в акте о предании суду, не является для большого жюри обязательным. Как и в рамках предварительных слушаний (*preliminary examination*), допустимо непосредственное исследование доказательств стороны обвинения, включая допрос (под присягой) свидетелей стороны обвинения⁶. Аналогичны и виды возможных решений суда, принимаемых по итогам проверки.

Соответственно, в контексте исследуемых нами проблем, правомерно поставить вопрос: насколько названные процедуры «оберегают» судью, призванного к разрешению дела по существу, от предварительного ознакомления с материалами уголовного дела, от ознакомления с системой обвинительных доказательств, от «предрешающего» вывода о виновности подсудимого еще до рассмотрения этого вопроса по правилам состязательной процедуры?

Этот вопрос практически не является предметом исследования в теории российской уголовно-процессуальной науки. Тем не менее объективный анализ процедур, связанных с ознакомлением подсудимого с обвинением и выяснением его мнения по поводу сути данного обвинения, с совершением судом и сторонами процессуальных действий, подготавливающих судебное заседание, объективно указывает на то, что еще до рассмотрения дела по существу, до исследования и оценки системы доказательств сторон суд (судья) в обязательном порядке знакомится с материалами дела, дает им предварительную оценку, принимает активное участие в медиационных процедурах и т. п.

Таким образом, и в этом процессуальном порядке законодателю не удалось «оберечь» суд от предварительной, «предрешающей», по сути, оценки доказательств стороны обвинения, фактически нивелируя тем самым комплекс усилий, связанных с процедурой предания суду независимым и беспристрастным судом.

⁶ Фактически каждая из названных процедур выполняет роль процессуального фильтра, призванного к исключению из судебного разбирательства дел, не имеющих судебной перспективы, недостаточно обоснованных и т. п.

Процессуальные формы **предания суду по уголовно-процессуальному законодательству Франции** являются кардинально отличными от ранее рассмотренных форм. Прежде всего, и структурно, и содержательно они отнесены к этапу окончания предварительного следствия, не образуя, по сути, самостоятельной стадии в уголовном процессе. Так, по окончании следствия и уведомлении об этом сторон (в письменной форме), следственный судья передает уголовное дело прокурору, о чем выносится отдельное постановление⁷. Цель указанных действий видится законодателю в том, чтобы прокурор, являясь стороной обвинения, независимо и беспристрастно проверил качество предшествующего производства по делу и возможность внесения данного дела в суд с поддержанием (качественным) по нему государственного обвинения.

Изучив указанное дело в течение месяца, если обвиняемый содержится под стражей, или в течение трех месяцев – в остальных случаях, прокурор вправе направить следственному судье требование: либо о продолжении (дополнении) следствия, либо об его прекращении (как не имеющем оснований для своего продолжения), либо о направлении дела в суд. Названное требование не является обязательным для следственного судьи, и прокурор, в случае несогласия с его указаниями, вправе обжаловать действия следственного судьи в апелляционном суде, решение которого и будет окончательным⁸.

Если следственный судья принимает решение о направлении уголовного дела в суд, он должен окончательно, в том числе и с учетом (возможных) указаний прокурора, квалифицировать деяние. Именно от названной квали-

фикации зависит подсудность дела, направляемого в суд.

При этом собственно *постановление о предании суду* следственный судья выносит в том случае, если данное дело подсудно суду ассизов. Таким образом, закон не требует составления отдельного обвинительного акта. По сути, его «замещает» названное постановление следственного судьи, по аналогии с названным актом, содержащее в себе как исчерпывающие данные о личности обвиняемого (обвиняемых), так и окончательную юридическую квалификацию содеянного. В качестве формулы обвинения следственный судья обязан указать лишь «...причины, по которым он пришел к выводу о наличии достаточных доказательств виновности», в инкриминируемом обвиняемому преступлении. Все доказательства обвинения при этом следственный судья приводить не обязан, поскольку стороны имели возможность не только ознакомиться с системой названных доказательств, но и получить копии важнейших процессуальных документов, уличающих обвиняемого⁹.

Само производство в суде ассизов не является предметом внимания и интересует нас только в контексте тех вопросов, которые являются проблемными для процессуальной формы предания суду в российском уголовном процессе. Центральным при этом, как и ранее, является вопрос о праве (о допустимости) суда (профессионального судьи) предварительно ознакомиться с делом и, соответственно, с системой обвинительных доказательств, имеющих по данному делу.

Исследователи этого порядка предания суду, как правило, не выделяют специально этот вопрос, останавливаясь лишь на последовательности и характере действий суда и сторон по поступлении дела в суд [1, с. 352-353; 2, с. 692-693]. В данной связи о действительном характере действий судьи в исследуемом контексте можно судить лишь косвенно.

Прежде всего, отметим, что все действия

⁹ Последнее правомочие, естественно, не освобождает следственного судью от обязанности в кратчайшие сроки ознакомить стороны с названным постановлением.

⁷ Одновременно, по смыслу закона, следственный судья обязан уведомить об этом как потерпевшего, так и защитника обвиняемого, с тем, чтобы они могли апеллировать к прокурору все свои возражения.

⁸ Оговоримся, что в случае несогласия следственного судьи с требованием прокурора о продолжении (дополнении) следствия и обжаловании этого несогласия прокурором, дело принимает к своему производству следственная камера апелляционного суда, которая и будет окончательно решать вопрос о дальнейшем движении этого дела, включая вопрос о возможном предании обвиняемого суду.

суда, которые могут быть реализованы до собственно судебного рассмотрения дела, по существу, могут быть классифицированы на обязательные и факультативные.

Среди обязательных следует выделить те, которые связаны с вручением подсудимому копии следственного судьи о предании суду, разъяснением права на обжалование такого решения, с рассмотрением подобной жалобы и вступлением названного постановления в законную силу. Как известно, только по истечении пяти суток по вступлении названного решения в законную силу подсудимый должен быть доставлен для допроса к председателю суда ассизов. Все это время дело, естественно, находится в производстве суда.

Сам допрос носит, скорее, организационный (по сути, административный) характер, так как не затрагивает ни существа дела, ни фактической стороны обвинения, ни возможных возражений подсудимого и т.п. Цель данного допроса – максимально обеспечить права подсудимого в предстоящем судебном заседании (обеспечить право на защиту и т.п.). Судебное заседание (по общему правилу) при этом также не может быть назначено ранее пяти суток после указанного допроса.

К обязательным действиям суда и сторон следует отнести и действия по взаимному ознакомлению сторон со списками свидетелей, экспертов и т.п., подлежащих вызову в судебное заседание. Однако, наибольший интерес в исследуемом контексте вызывают отдельные из факультативных действий суда, реализуемых на этом этапе. К примеру, правомочие суда на соединение или разъединение нескольких уголовных дел, поступивших в суд; о дополнительном производстве ряда следственных действий; об отложении дела слушанием, как пока не готового к рассмотрению.

Объективный анализ каждого из названных полномочий явно свидетельствует о том, что фактической основой для их законного и обоснованного производства является, безусловно, ознакомление судьи (распоряжающегося) с материалами уголовного дела, с фактической обоснованностью постановления следственного судьи о предании обвиняемого суду.

Только зная материалы уголовного дела, фактическую и юридическую сторону обвинения, суд может принять решение о соединении в одно производство нескольких уголовных дел или, напротив, об их выделении в отдельное производство, как не связанных единой фактурой. Только сомнения в доказанности (надлежащей) фактической стороны обвинения может, на наш взгляд, побудить суд к производству дополнительных следственных действий по делу, уже фактически оконченному расследованием.

Таким образом, и в этом процессуальном порядке судья, принявший к своему производству уголовное дело для его рассмотрения по существу, не только вправе, но и объективно обязан знакомиться с материалами уголовного дела, с системой обвинительных доказательств, с фактической стороной обвинения, внесенного в суд. Вопрос о возможной «предрешенности» выводов судьи в этом контексте, мы уже не затрагиваем.

Процессуальные формы предания суду в уголовно-процессуальном законодательстве ФРГ. Занимая промежуточное место среди стадии предварительного расследования преступлений и собственно судебным рассмотрением дела, стадия предания суду (открытия судебного заседания) в германском уголовном процессе является обязательной и реализуется по всем категориям дел. Компетентным органом предания суду при этом выступают: либо единолично судья – по делам, подсудным суду шэффенов или участковому суду; либо трое профессиональных судей – по делам, подсудным большой палате земельного суда; либо сенат в составе пяти профессиональных судей – по делам, подсудным высшему земельному суду¹⁰ [2, с. 695–696].

Предмет и пределы проверки суда при этом определены непосредственно в уголовно-

¹⁰ По закону предание суду не является обязательной стадией по делам, рассматриваемым участковым судьей и судом шэффенов в порядке так называемого ускоренного (суммарного) производства. См.: *Уголовный процесс России. Особенная часть: учебник для студентов юридических вузов и факультетов*; под ред. В.З. Лукашевича. – СПб., 2005. – С. 695-696.

процессуальном законе. Согласно § 203 УПК, суд принимает решение об открытии судебного заседания (предании обвиняемого суду – Примеч. авт.), если результаты расследования, по мнению суда, свидетельствуют о достаточном подозрении обвиняемого в совершении инкриминируемого ему преступления. При этом, по прямому указанию закона, в постановлении суда не может предрешаться вопрос о доказанной виновности обвиняемого.

Именно этот, достаточно «известный» нам в ходе исследования, вопрос, как и в русском уголовном процессе, послужил причиной многочисленных «реформ» стадии предания суду в германском уголовном процессе вплоть до полного исключения подобного порядка из структуры норм УПК и до его естественного восстановления по прошествии времени.

Основным аргументом при этом, как и в российской научной доктрине, послужили аргументы о том, что решение о предании суду, принимаемое судом, разрешающим (в дальнейшем) это же дело по существу, по сути, равнозначно признанию (предрешению) до судебного рассмотрения обвинения, инкриминируемого обвиняемому (Э. Шмидт, Г. Кольхас, Г. Геншен). Достаточно известны и аргументы, призванные к решению данной проблемы, предлагаемые в научной (немецкой) доктрине: введение обвинительного (прокурорского) порядка предания суду; создание независимого судебного органа, ведающего исключительно вопросами предания суду и т.п.¹¹

Поскольку разумного компромисса найти так и не удалось – стадия предания суду сохранила свое место в структуре германского уголовно-процессуального законодательства, а законодатель счел необходимым лишь формально оговориться в вопросе о том, что в постановлении (определении) о предании обвиняемого суду в качестве фактического обоснования

указывается лишь о допуске обвинения к рассмотрению в судебном заседании (ч. 1 § 207 УПК), а не об его доказанности материалами дела.

Исследование этого основания предполагает не только право суда к непосредственному исследованию доказательств по делу на этом этапе, но и к производству дополнительных следственных действий, которые проводятся либо непосредственно членом суда (палата по уголовным делам земельного суда), либо по поручению участковым судьей.

О действительном предмете и пределах проверки суда на этом этапе свидетельствует и правомочие суда, связанное с отказом в предании обвиняемого суду. Как известно, подобное определение выносится как по фактическим, так и правовым (юридическим) основаниям. При этом при наличии фактических оснований суд прямо указывает на то, что у него нет достаточного подозрения в совершении обвиняемым инкриминируемого ему преступления, и объясняет, какие именно фактические обстоятельства опровергают выдвинутое прокуратурой обвинение. Таким образом, и в этом моменте без непосредственной оценки судом (доказанности) фактической стороны обвинения принятие законного и обоснованного решения становится практически невозможным.

Список литературы

1. Гуценко К.Ф. Уголовный процесс западных государств / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головкин, Б.А. Филимонов. – М. : ИКД «Зерцало-М», 2001. – С. 113–123.
2. Уголовный процесс России. Особенная часть: учебник для студ. юрид. вузов и фак.; под ред. В.З. Лукашевича. – СПб., 2005. – С. 685.
3. А.В. Смирнов Уголовный процесс : учебник для вузов / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общей ред. А.В. Смирнова. – СПб. : Питер, 2004. – С. 480–482.

В редакцию материал поступил 18.12.06.

¹¹ О том, что и в этом случае суд, принимающий дело к своему производству, просто обязан предварительно ознакомиться с материалами дела, естественно, упоминать было не принято.